

и т. п.; но при всей неполнотѣ этихъ показаній они даютъ видѣть взгляды этихъ лицъ на разные отношенія русской жизни. Обращаясь, напр., вниманіе на отношеніе Батюшкова къ русской давней и недавней старинѣ. Извѣстно, въ какой степени эта старина интересовала Пушкина: онъ читалъ ея старыя памятники, онъ съ жадностью собиралъ преданія о людяхъ и нравахъ недавняго прошлаго, прислушивался къ народной поэзіи, старался представить себѣ внутренній ходъ политической жизни русскаго общества, думалъ, наконецъ, что самъ можетъ стать историкомъ; правда, онъ не пускался въ археологическія подробности, но у него была нѣрѣдко замѣчательная отгадка смысла событій и живой стороны прошедшаго. Ничего подобнаго мы не найдемъ у Батюшкова. Его отношеніе къ старинѣ и народности есть отношеніе свѣтскаго человѣка, который занимается литературой какъ дилеттантъ, пускается „учености“, даже самой умѣренной, и имѣетъ слабое понятіе о русской исторіи. Г. Майковъ, объясняя, что во время упомянутого пушкинско-карамзинскаго спора „справедливая идея (т. е. защита національности въ литературѣ) въ неумѣлыхъ и невѣжественныхъ рукахъ получила смѣшной и нелѣпый видъ“, находитъ понятнымъ, что Батюшковъ могъ уклониться въ противоположную крайность ¹⁾. Но мысли Батюшкова о русской исторіи, какія біографъ здѣсь указываетъ, очевидно не были вызваны однимъ разгаромъ спора: этотъ споръ далъ писателю только поводъ высказать взглядъ, который былъ его обычнымъ взглядомъ. Вотъ что именно пишетъ Батюшковъ въ 1809 г. къ своему другу Гнѣдичу: „Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи *хладнокровно*, то-есть, съ разсужденіемъ. Я это разъ принимался: все равно. Она дѣлается интересною *только со временъ Петра Великаго*. Подивись, подивимся *мелкимъ людямъ*, которые роются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію средних вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцовъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и проч., и если книга не упадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ! Нѣтъ середины! Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу; мелкій, ибо занимаешься пустяками. Жанъ-Жакъ говоритъ: Car ne vous laissez par éblouir par ceux qui disent, que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle de son pays. Cela n'est pas vrai. Il y a des pays dont l'histoire ne peut pas être même lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou

¹⁾ Т. I, стр. 99, въ біографіи.